

О СМЕРТИ ИЛИ БЕССМЕРТИИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Ф. СОЛОГУБА
ТВОРИМАЯ ЛЕГЕНДА В СВЕТЕ ФИЛОСОФИИ ОБЩЕГО ДЕЛА Н. ФЕДОРОВА

Маргарита Павлова

Едва ли во всей русской литературе найдется еще хоть один писатель так величаво, преданно и вдохновенно зывавший к смерти, как зывал к ней на протяжении десятилетий своего многотрудного творчества Федор Сологуб. Приверженность к теме “смерти” сказана даже в названиях его произведений: *Жало смерти, Победа смерти, Заложники жизни, Навьи чары, Плененная смерть, Смерть по объявлению, Прачка с длинною косою, Революция - смерть* и т. д.

На современников писатель производил впечатление человека – одержимого, очарованного, будто бы загипнотизированного смертью. Его даже называли Рыцарем Смерти, и – иронично – Федор Навьич Сологуб. Многие видели в его произведениях сознательную провокацию к суицидным попыткам, упрекали в том, что он призывает к самоубийствам, которые, будто бы не без его влияния стали в 10-е годы почти бытовым явлением. “Как настоящий могильный червь, он питается тлением и жиреет на трупах” – писал о творчестве Сологуба Стеклов (1909: 166). “Поэзия Сологуба напоминает погребальный звон, – отмечал Долинин (1913: 60). “Поэт-призрак, он похож на выходца из могилы, на мертвеца из баллады, на того, кто был возлюбленным Леноры”, – писал Айхенвальд (1913: 178).

Пристрастие Сологуба к теме нередко служило предметом едких насмешек и пародий (достаточно вспомнить сказку Горького о Смертяшкине из цикла *Русские сказки*), а также поводом для жестокой критики и резких осуждений писателя в печати. По-своему, Сологуб серьезно переживал это, о чем

свидетельствует его дневниковая запись, сделанная в мае 1911 г.: “Некоторые из моих критиков спрашивали меня, отчего я еще живу, я с такою любовью говоривший о смерти, отчего я еще не умертвил себя. Добрые люди, не упрекайте меня. Если бы вы знали, какое отчаяние ношу я в душе, вы бы не поставили мне этого вопроса” (ИРЛИ, ф. 289, оп. 6, ед. хр. 80).

Несомненно для Сологуба “смерть” – всегда была не просто *одной* из тем творчества, но средоточием его. Если бы мы попытались изъять мысли о смерти из лирики поэта, мы потеряли бы Сологуба-лирика, его поэзия лишилась бы очарования и тайны. Если бы мы попытались вернуть к жизни всех героев рассказов, беспощадно отправленных писательской фантазией в “лучший из миров”, то, вероятно, никакой прозы Сологуба не было бы вообще, его рассказы и романы рассыпались бы в бессмысленные натуралистические описания и фрагменты. Смерть героев (духовная или физическая) – неперемное условие многих сологубовских сюжетов, она же – сквозной образ его сочинений, действующее лицо, соединяющее все и вся, – это своеобразная сологубовская религия, дело связи. По словам К. Чуковского: “Он из тех писателей полуфанатиков, полу-пророков, которые знают только Бога, только свою душу, только вечность и *только смерть*, чье творчество всегда бывает религиозно, о чем бы они не писали” (Чуковский 1911: 56).

Не думать о смерти Сологуб, по-видимому, не умел. Он мог самозабвенно ее воспевать:

О владычица смерть, я роптал на тебя,
 Что ты, злая, царишь, все земное губя.
 И пришла ты ко мне, и в сиянии дня
 На людские пути повела ты меня.
 Увидал я людей в озареньи твоём,
 Омраченных тоской, и бессильем, и злом.
 И я понял, что зло под дыханьем твоим
 Вместе с жизнью людей исчезает, как дым (Сологуб 1979: 196).

Он мог иронизировать над ней: “Своя смерть – благоуханна, чужая – зловонна. Своя – невеста, чужая – Яга” (из “Афоризмов”, 1901), или: “Здесь почитет Федор Сологуб, книзу зад, а кверху пуп” (слова авторской эпитафии). Размышления о смерти никогда не оставляли Сологуба, нередко он поражал своих собеседников подобными оригинальными высказыва-

ваниями: “Меня никогда не удивляет смерть молодых людей. Они еще не научились и не привыкли жить. А вот когда умирает старик лет 80-ти это уже удивительно...”. Слова эти были сказаны Сологубом за год до смерти во время прогулки с В. В. Смиренским (ИРЛИ, ф. 79, оп. 4, ед. хр. 146, л. 9). За несколько месяцев до смерти он начал писать странное произведение – “Архиерей с Погоста” (ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, ед. хр. 555) – художественно совершенное, но оставшееся не законченным, действующее лицо которого – выходец из могилы.

Проведший жизнь в размышлениях о смерти, Сологуб, тем не менее, не производил впечатление христианина-аскета, неусыпно заботившегося о спасении своей души. Богоборческие мотивы разлиты во всем его творчестве. Героев Сологуба, за немногим исключением, в буквальном смысле слова, никто не режет, не топит, не вешает, не выбрасывает из окон... Они добровольно и как-то уж слишком легко, без особенных мучений, оставляют эту жизнь ради будущей, в то время как самоубийство в христианской традиции всегда расценивалось как грех. Наконец некоторые поступки самого писателя не поддаются объяснению с точки зрения христианской морали, даже если принять во внимание его страсть к мистификациям.

В романе *Сумасшедший корабль* О. Д. Форш рассказывает о писателе, внушавшем поклоннице его таланта мысль покончить с собой. Форш описала реальную ситуацию, о которой знали многие в литературных кружках, благодаря болтливости жертвы Сологуба. Действительно, Вера Павловна Калицкая, автор небезынтересных воспоминаний о поэте (ИРЛИ, ф. 79, оп. 4, ед. хр. 89), хотела последовать примеру несчастной Анастасии Николаевны Чеботаревской, и, если верить воспоминаниям Е. Я. Данько (ИРЛИ, ф. 679, № 16), Сологуб желал этого.

Подобные биографические эпизоды, равно как и богоборческие мотивы в лирике и прозе Сологуба, препятствуют попыткам увидеть в трактовке им темы смерти только христианские мотивы, допускают возможность воспринимать его творения как плод больной надломленной психики. В 1908 г. в “Вестнике психологии, криминальной антропологии и гипнотизма” была помещена статья Е. Карамзиной-Арциховской под названием “О Ф. Сологубе как об одном из представителей психопатологического течения современной русской

художественной литературы”. В статье автор рассматривает творчество писателя исключительно как порождение его параноидальной психики. Очевидно, Карамзина-Арциховская в своих оценках впадала к крайность (также, как крайностью можно считать взгляд на Сологуба как на христианина-подвижника), но определенная доля истины в ее рассуждениях была. В частности, материалы биографии писателя позволяют наблюдать, как размышления о смерти постепенно становились в его сознании навязчивой идеей.

Уже самое раннее детство Сологуба протекало под знаком смерти – болезненный и нервный ребенок рос под угрозой наследственной чахотки; четырехлетним он потерял отца, смерть которого была для мальчика тяжелым потрясением. “Как-то он проговорился; что не был на похоронах отца, потому что перед тем на похоронах кого-то с ним сделался припадок”, - вспоминал о Сологубе его соученик по Никольскому приходскому училищу и Санкт-Петербургскому Педагогическому институту Иван Иванович Попов (ЦГАЛИ, ф. 482, оп. 1, ед. хр. 433, л. 5). Попов писал: “Вообще к мертвому у него было особое отношение, граничащее со страхом или брезгливостью. Не здесь ли нужно искать мотивы сологубовского “стремления к смерти?”. Необычным отношением к смерти Попов объясняет также и тот факт, что Сологуб, один из немногих студентов, знавший наизусть почти всего Некрасова и Достоевского, не был на похоронах ни того, ни другого, где были все ученики. Попутно он сообщает, что их студенческие попойки нередко происходили на Смоленском кладбище, куда они сбегали с уроков. Сологуб никогда не принимал в них участия, как-то фатально боялся кладбищ. Кстати, именно на Смоленском кладбище в последствии была погребена его жена, а через 6 лет после нее он сам.

То, что с самого детства мысли о смерти преследовали Сологуба, подтверждают и материалы его архива. Среди его бумаг сохранился набросок с пометой “Институтское утро. 18 10/1 81”, явно автобиографического содержания, в котором, кстати, достаточно отчетливо звучит мотив метемпсихоза, характерный для творчества писателя в целом:

Мальчика ужасала его судьба после смерти, когда он перестал верить в Бога и восстание мертвых. – Он думал: сознание, душа, то, что во мне мысли и чувства, радуется и страдает, эта маленькая масса, затерянная где-то среди моего мозга, истлеет,

разложится на составные элементы. Куда они денутся. И холодно, и грустно становилось ему, когда он мечтал о злой судьбе под гробовой крышкой.

– Но может быть эти элементы соединятся опять, и опять перейдут в тело человека, и опять я буду жить! – Когда же эта мысль блеснула в нем, он почувствовал какую-то огромную великую радость. – Я не умру! я буду вечно жить и думать... (ИРЛИ. Ф. 289, оп. 1, ед. хр. 539, л.139-139 об).

Темой смерти были пронизаны почти все первые литературные замыслы и опыты Сологуба. Сохранилось всего несколько неопубликованных законченных фрагментов его ранней прозы, относящейся к самому началу 80-х годов, но и они поглощены темой “конца” и евгеникой. Приведем самый ранний из таких фрагментов:

Говорят, перед смертью вспоминается живо и ясно вся жизнь, рисуются мельчайшие подробности, больно чувствуются давно, кажется, зажившие раны, давно заглаженные унижения. Перед смертью, – когда некогда жить, когда невозможно работать, когда машинальная, засасывающая деятельность, ежедневная забота – уже не поглощают ума. Воспоминания – жалкий недуг старости, – отчего же я болел им, я, едва начинающий жить юноша? Ответ готов – да, это приближение смерти, это ее холодное дыхание, которое замораживает кровь в моих жилах и заставляет бессильно опускаться мои руки. Но я умирал, оставая после себя темную судьбу дорогих мне лиц, страшное дело – не чувствую себя несчастным. Я знаю, это холодное равнодушие смерти, – спокойная дремота моего ума пробуждается.... болезненными картинами далекого прошлого. Вот они встают передо мною, потом и кровью народною написанные картины, вот они проходят предо мною цветущие юноши и седые старцы, равно униженные и изуродованные – и давно истлевающие в могилах. Это – мои предки.

Прежде, когда, сын бедного ремесленника еще не пережил этой загробной жизни, – моя жизнь мучила и терзала меня. Зачем? Зачем? Спрашивал я себя, когда наваливалось на меня еще какое-нибудь тяжелое бремя. Зачем это? восклицал я, просыпаясь ночью – и холодный мрак, и разгоряченное сердце, и незрелый, утомленный ум ничего не отвечал и мне. И я всматривался в жизнь и допрашивал ее: зачем? и она не давала мне ответа. Я спрашивал у людей и у книг, у себя и у природы – и не находил ответа. И я страдал. – А машина жизни давила и давила меня, все глубже и глубже вдавливала мою впалую грудь, все слабее и слабее делала мои мускулы, болезненно-

искажала и уродовала меня – и я шел, бессильный и измученный. И когда я садился отдыхать на камне пыльной дороги, под палящими лучами солнца, когда томимый бессонницей, я ворочился на жесткой постели, – они мои предки, один за другим приходили ко мне. Дни шли за днями, однообразно сменялись годы из мрака прошлого – все ярче и ярче выступали их фугуры, – и, наконец, полная смысла и значения, встала предо мною длинная цепь ужасных призраков. Были ли то галлюцинации, или что иное, не знаю. Я их видел, я жил с ними, я перестрадал их страданиями, вытерпел их позор, и часто ночная темнота оглашалась моими стонами, когда казалось мне, что лежу я, измученный и окровавлен, умираю и молюсь за своего мучителя.

Я пережил эту народную рану, я дошел до ее мельчания и распадаения, и уже во мраке будущего снова увидел я ее возрождение (ИРЛИ, Ф. 289, оп. 1, ед. хр. 539а, л. 31-32).

По-видимому, страх смерти никогда не оставлял писателя. Можно сказать, что все творчество Сологуба случилось на тему “о смерти”. Р. В. Иванов-Разумник писал, что все оно – на тему “о смысле жизни” (1908), но ведь для Сологуба смысл человеческой жизни был сосредоточен в достижении вечной жизни, бессмертия. Именно бессмертия ищут главные герои его романов. Логин, герой первого романа *Тяжелые сны*, избирает христианский путь в достижении вечной жизни. Он приходит к мысли, что увидеть “новые небеса и новую землю” сможет лишь “очищенный от греха”, тот, кто победит в себе мертвого человека, извлечет из себя жало смерти, грех.

Можно предположить, что пристальное внимание к природе грешного, свойственное произведениям Сологуба, было сопряжено так же со страхом смерти. Уже в самых первых литературных опытах, отмеченных следами садомазохистского комплекса, обе темы буквально врастают одна в другую: рядом с размышлениями о тщете сущего, об ужасе жизни и смерти-освободительнице, – почти обязательно присутствует описание порока, страсти, сладострастия. “Все пишете о грехе, о пороке, будто бы хорошо изучили его”, – сетовал 19-летнему Сологубу в одном из писем его учитель, А. В. Латышев (Письма Ф. К. Тетерникову, ИРЛИ, Ф. 289, оп. 3, ед. хр. 392, л. 12).

Однако в самом стремлении преодолеть грех, духовную смерть, у Сологуба, равно как и у его героев, угадывается

элементарное желание *жить всегда* (Передонов, например, собирается жить 300 лет или дольше), а еще точнее, желание преодолеть смерть физическую, воскреснуть, *непременно во плоти*, на какой-нибудь далекой Ойле:

Все, чего нам здесь не доставало
Все, о чем тужила грешная земля
Расцвело на вас и засияло,
О, Лигойские блаженные поля! (Сологуб 1979: 218).

“Рай – это такое место, – объяснял Сологуб, не без оттенка иронии Е. Данько, – где будет все земное, вовсе не значит, что там будут *бестелесные* духи – там будет – все как на земле – но только лучше. Все желания будут удовлетворяться”. “Магометанский рай”, – пошутила Данько. Сологуб рассердился: “Нет, не магометанский, а настоящий” (ИРЛИ, Ф. 679, № 16). Вот этого настоящего рая и воцарил художник в земной жизни, именно в достижении рая на земле видел он подлинное преображение мира. Но никакие войны, революции, реформы экономического или политического толка, с его точки зрения, не способны были преобразить мир до тех пор, пока... в нем не отменена *физическая смерть*. Т. е. в своей жесткой позиции Сологуб несколько неожиданно сближается с позицией автора *Философии Общего дела*.

Связи Николая Федоровича Федорова с русским символизмом в настоящее время изучены недостаточно. Исключение составляет статья Гречишкина и Лаврова “А. Белый и Н. Федоров”. Рассматривая влияния идей философа на Брюсова и Белого, авторы статьи замечают, что “разыскания с этой области могут привести к неожиданным и интересным результатам” (Гречишкин-Лавров 1979: 163).

К такому неожиданному результату, приводит попытка рассмотреть в свете федоровской утопии роман Сологуба *Навьи чары (Творимая легенда)*, в основу которого, как можно предположить, была заложена утопическая идея философа о подлинном преображении мира.

По всей вероятности, никаких личных контактов у Сологуба с Федоровым никогда не было, в бумагах писателя упоминания о Федорове также не встречаются. Они жили в разных столицах, в 1903 г. Федоров умер. Первый том *Философии Общего дела* был издан его учениками Петерсоном и Кожевниковым в 1906 г. тиражом всего в 480 экземпляров, не

для продажи, причем на окраине России, в г. Верном (Алма-Ата). Второй том появился в 1913 г. в Москве. Тем не менее, личность философа и его идеи были широко известны в круге символистов, его знали и почитали как оригинального мыслителя и как человека, бывшего близким Вл. Соловьеву и, отчасти, Достоевскому. Известно также, что незадолго до смерти Федоров собирался напечатать статью в журнале “Новый Путь”, с редакцией которого, кстати, был в самых тесных отношениях и Федор Сологуб. В 1903 г. Федоров дал согласие на печатание своих трудов издательству “Скорпион” (издание не осуществилось); в 1904 г. (№ 2) брянские “Весы” опубликовали работу философа “Астрономия и архитектура”. Очевидно, эта статья была хорошо известна Сологубу. Первая книга экспериментаторского, фантастического романа *Творимая легенда* появилась в 1907 г., т. е. через год после публикации первого тома *Философии Общего дела*, последняя – в 1913 г.

Творческая история трилогии во многом связана с событиями личной жизни писателя. В 1907 г. Сологуба постиг тяжелый удар, он потерял самого близкого друга – умерла его сестра Ольга Кузьминична. Первые части романа создавались в атмосфере приближавшейся смерти близкого человека, мысли о которой приводили писателя в отчаяние (сестре он посвятил драму *Победа смерти*, 1907). Через год после кончины Ольги Кузьминичны он женился на Анастасии Николаевне Чеботаревской, внешний строй его жизни заметно изменился. В ноябре 1912 г. Блок записал в дневнике: “Женившись и обрившись, Сологуб разучился по-сологубовски любить Смерть и ненавидеть Жизнь” (Блок 1963: 7, 185). Такое же мнение о Сологубе тех лет высказывали Г. Чулков, П. Перцов, К. Сюннэрберг и другие современники писателя.

Действительно, отношения Сологуба со “смертью”, с его Прекрасной Дамой, в годы написания романа преобрели новый оттенок. Он по-прежнему не любил “Смерти”, как не любил никогда (“Я ее не хочу и боюсь, /Отвращаясь от злого лица” – писал он в одном стихотворении), он по-прежнему ее патологически боялся. Именно страх смерти, в конечном результате, был самым мощным импульсом в написании романа *Навыи чары*, в центре которого поставлен герой победивший смерть, создавший эликсир жизни. В то же время смерть неожиданно перестала представляться писателю неизбежным и

вечным злом, первым врагом человечества – это и был новый оттенок в решении темы смерти Сологубом и появился он, как можно предположить, не без влияния федоровского учения о Вселенском деле.

Творчество писателя 90-х-900-х гг. позволяет судить о том, что известная предрасположенность к восприятию идей философа у Сологуба была – в этом смысле зерно упало на благодатную почву. Несомненно была близка Сологубу и основная категория федоровского мышления – *долженствующее* быть, а не данное. “Мир дан не на поглядение”, – писал Федоров, “не миросозерцание – цель человека. Человек всегда считал возможным действие на мир, изменение его согласно своим желанием” (Федоров 1982: 427). Слова эти легко совмещаются с первыми строками *Творимой легенды*: “Беру кусок жизни, грубой и бедной, и сотворю из него сладостную легенду, ибо я – поэт. Косней во тьме; туская, бытовая, или бушуй яростным пожаром – над тобой жизнь, я поэт, воздвигну творимую легенду об очаровательном и прекрасном” (Сологуб 1912: 10, 162-163).

В романе представлены два пути изменения мира согласно желаниям. Один – путь революции, по Сологубу путь смерти или мнимого преображения мира. Путь же подлинного преображения мыслился писателем в русле федоровской космической утопии, которая ставит перед человечеством три основных задачи, т. е. регуляция природы и влияние на эволюцию, воскрешение предков, управление космическими процессами. Все эти задачи и призван разрешить главный герой романа – Георгий Триродов. Согласно Федорову человек возникает через внутреннее “самопревосхождение”, он как бы рожден дважды: природой и самым собой. Триродов способен пережить смерти, воскреснуть во плоти, как бы родиться в третий раз. Герой Сологуба – поэт и философ, его кабинет описан как *музей*, хранящий память об ушедших поколениях и культурах, но, что особенно важно, он – ученый. “Наука станет знаменем земли как небесного тела, и знаменем других планет, как земель” – писал Федоров (1904: 22). Триродов – астроном (у него своя обсерватория, он наблюдает за небесными телами, умеет вызывать дождь и другие атмосферные изменения), он – биолог, в усадьбе имеется оранжерея с гигантскими чудовищными растениями, энергию которых он использует в научных целях; наконец он

– химик, его кабинет переполнен всевозможными жидкостями и предметами с магическими свойствами, способными превратить юную красавицу в несколько минут в старуху и наоборот. Заметим, что именно *химии, биологии и астрономии* Федоров отводил первостепенное место в процессе победы над хаосом, в регуляции природы.

Многим чудесам и таинственным событиям, описанным в романе, можно найти объяснение в свете федоровских идей. “Земля как кладбище”, – писал Федоров, – вмещает в себя столько поколений, сколько в пространстве вселенной есть миров, не управляемых разумом (миров же управляемых разумом, мы совсем не знаем), и сколько есть таких миров, которые совсем не приспособлены к жизни, так что биология через оживление умерших на земле поколений может заселить, т. е. подчинить разумному управлению все миры и тогда жизнь будет на всех мирах и вселенная станет биологической” (Федоров 1904: 23). Т. е. кладбища Федоров рассматривал как источник будущего бессмертия.

Центром событий романа является усадьба Триродова, называемая Навым двором, расположенная рядом с кладбищем. Сологуб пишет: “О доме шла дурная молва... Говорили, что он населен привидениями. и выходцами из могил... рассказывали, что видели на воротах загадочную надпись: “Вошли трое, вышли двое”. Усадьбу свободно посещают покойники; при помощи химических веществ, активизирующих психическую энергию, Триродов вызывает их из могил и затем отправляет обратно. Он научился управлять временем. В его доме обитают загадочные тихие мальчики, воскрешенные им подростки, наделенные сверхъестественными способностями: они могут в любое время появиться или исчезнуть в любой точке пространства, они обладают неограниченной физической силой, умеют передавать и читать мысли на расстоянии (своеобразные первоцветы грядущей федоровской психократии). Наконец, в романе нашли художественное воплощение не только мысли о регуляции природы и воскрешении мертвых, но также и космическая идея философа.

Триродов, овладевший энергией живых тел и растений, строит в усадьбе космический корабль (в основу изобре-

тения положен принцип федоровского электрохода),¹ который в любое время может отделиться от земли, выйти на орбиту и начать жить жизнью планеты, что, в конце концов и происходит в романе.

Таким образом, в *Творимой легенде* нашли художественное воплощение основные положения федоровского проекта. По-видимому, Сологуб, взыскующий жизни вечной и воскресения во плоти, увидел на какое-то время в учении философа разрешение мучившего его с детства вопроса о бессмертии.

Однако воиздействие идей Федорова на Сологуба не было абсолютным. Писателя притягивал и одновременно отталкивал определенный позитивистский крен *Философии Общего дела*. Притягивал потому, что по своему характеру и образованию Сологуб был более склонен к точному знанию, чем к мистике, и всегда с глубоким почтением отзывался о науках. “Если бы я начинал жизнь снова, – говорил он в 1925 г. П. Н. Медведеву, – я стал бы математиком. Математика и теоретическая физика были бы моей специальностью” (Дикман 1979: 48).

В то же время, в учении Федорова, с точки зрения Сологуба, не могло не содержаться известного ущерба. В этом смысле писатель, вероятно, мог бы согласиться с мнением С. Булгакова (газетная вырезка его статьи о Федорове сохранилась в архиве Сологуба). “В сущности, – писал Булгаков, – это учение является последним словом новоевропейского гуманизма, хотя сам Федоров последнего чурался. (...) Федоров все время думает о воскрешении Лазаря, а не о воскресении самого Христа, – об оживлении трупа, первоначально разложившегося, но вновь воссозданного средствами науки, а не о воскресении тела духовного, прославленного и преобразованного...” (“Биржевые ведомости” 1917, 24 февр., №16118, с. 6).

С еще большей очевидностью, осознать то, что разделяло

¹ Несомненно, немало общего “космический” мотив *Творимой легенды* имеет с романом Г. Уэллса *Первые люди на луне*, который Сологуб внимательно штудировал. Рассмотрение влияния утопического романа Уэллса и Беллами (*Золотой век*) на прозу Сологуба, возможно, в будущем даст интересные результаты.

Сологуба и Федорова, позволяет достаточно резкое суждение об учении философа Г. Флоровского: "... У Федорова была одна всепоглощающая тема, один навязчивый замысел. Это – тема смерти. И этот замысел – воскрешение мертвых. В том, что Федоров говорит о смерти и воскресении, поражает его нечувствие (...) в смерти он не чувствовал тайны, не почувствовал темного жала греха" (Флоровский 1981: 323).

Если первую часть высказывания Флоровского о Федорове можно отнести полностью к творчеству Сологуба, то, безусловно, вторая, о нечувствии ко греху, к автору сборника рассказов *Жало смерти* не относится, его никогда не оставляла мысль о чуде духовного преображения человека. Ведь, конечно, не случайно в *Творимой легенде* речь идет о воскрешении только детей и подростков, т. е. невинных, еще не знавших греха.

По-видимому, прелесть федоровской утопии лишь на короткое время соблазнила Сологуба-мечтателя, но ему-то была необходимая твердая уверенность о возможности воплощения Вселенского проекта не только на страницах романа. Он хотел увидеть живого Триродова, который бы смог окончательно разрешить его вопрос о бессмертии, вопрос, мучивший его всю жизнь и с новой остротой вставший перед ним в сентябре 1921 г., после гибели жены, о чем позволяет судить это неопубликованное стихотворение из цикла: *Анастасия* (ИРЛИ. Ф. 289, оп. 1, ед. хр. 24 а, л. 10).

Мой ангел будущее знает,
Но от меня его скрывает,
Как день томительный сокрыл
Безмерности стремлений бурных
Под тению своих лазурных,
Огнями упоенных крыл.

Я силой знака роковою
Одно сумел исторгнуть слово
От духа горнего, когда
Сказал: От скорби каменею!
Скажи, соединюсь ли с нею?
И он сказал с улыбкой: Да.

Спросил я: Гаснут ли мгновенья
В пустынном холоде истленья?
Найду ль чертогов тех ключи,

Где все почиет невре­димо,
Где наше время обратимо?
И он ответил мне: – Молчи.

Уста, как пламенные розы.
Таили острые угрозы,
Но спрашивать я продолжал:
– Найду ль в безмерности стремленья
Святую тайну воплощенья?
Он улыбался, но молчал.

9 марта 1922

БИБЛИОГРАФИЯ

- Айхенвальд, Ю. И.
1913 Силуэты русских писателей. Вып. III. Москва 1913.
- Блок, А.
1963 Собрание сочинений в 8-ми томах, т. 7. Москва-Ленинград 1963.
- Гречишкин, С. С. - Лавров, А. В.
1979 Андрей Белый и Н. Ф. Федоров. — Ученые записки Тартуского Гос. университета. Блоковский сборник III. Тарту 1979.
- Дикман, М. Н.
1979 Поэтическое творчество Федора Сологуба. — В кн.: Ф. Сологуб, Стихотворения, Ленинград 1979.
- Долинин, А.
1913 Отрешенный (к психологии творчества Федора Сологуба). — Заветы 1913, 8 7.
- Иванов-Разумник, Р. В.
1908 О смысле жизни. Сологуб, Л. Андреев, Л. Шестов. СПб. 1908.
- Сологуб, Ф.
1912 Собрание сочинений, т. 10. СПб. 1912.
1979 Стихотворения. Ленинград, Библиотека поэта, 1979.
- Стеклов, Ю. М.
1909 О творчестве Ф. Сологуба. — В кн.: Литературный распад. Критический сборник, Кн. 2, СПб. 1909.
- Чуковский, К.
1911 Навьи чары мелкого беса. — В кн.: О Федоре Сологубе. Критика. Статьи и заметки. СПб. 1911, с. 35-57.

Федоров, Н. Ф.

1904 Астрономия и Архитектура. — Весы 1904, № 2.

1982 Философия Общего дела (т. 1, ч. 4). — В кн.: Сочинения,
Москва 1982, с. 313-441.

Флоровский, Г.

1981 Пути русского богословия. Париж 1981.